

рого в свою очередь поддержал великий князь);⁵³ в 1482 г. Нифонта сменил Серапион, но год спустя с протестом против нового игумена выступили 15 «больших старцев»⁵⁴ и «князь (Михаил Андреевич, — Я. Л.) отгнати того повеле от Кириллова монастыря».⁵⁵

История борьбы в Кирилловом монастыре уже обратила внимание одного из исследователей — Н. К. Никольского, но, верный традиционному представлению о «нестяжательских» традициях монастыря, Н. К. Никольский и в этих эпизодах усмотрел прежде всего столкновение между сторонниками «вотчинно-общеземельного быта» и «нестяжателями»; по его мнению, оба игумена — Нифонт и Серапион — были сторонниками «вотчинного быта» (монастырского землевладения). Н. К. Никольский полагал, что 15 старцев, покинувших монастырь в 1483 г., были нестяжателями, а «поводом к недовольству игуменом было предпринятое им расширение владений, несогласное с заветами основателя монастыря».⁵⁶

Объяснение, предложенное Н. К. Никольским, не представляется нам убедительным. Ни летописный рассказ о событиях 1478 г., ни имеющиеся у нас сообщения о конфликте 1483 г. ничего не говорят о том, чтобы вопрос о землевладении был в этот период предметом спора в монастыре. Все эти рассказы зато с достаточной ясностью говорят о другом: о политическом характере обоих столкновений, о связи их с борьбой вне монастыря. И в 1478 г. и в 1483 г. в борьбу между кирилло-белозерскими «старцами» так или иначе оказался замешан князь Михаил Андреевич. При этом заметим, что роль обоих игуменов, которых Никольский считал представителями одной «вотчинновладельческой» группировки, была диаметрально противоположна: Нифонт выступал в 1476 г. против Вассиана на стороне Михаила Андреевича; Серапион, напротив, был «отгнан» в 1483 г. благодаря вмешательству Михаила Андреевича. Но столкновения 1478 и 1483 гг. затрагивали не только интересы удельного князя; в них оказались замешанными также и митрополит и великий князь,⁵⁷ предпринявший в 1482 г. даже специальные меры для ограничения землевладения Кириллова монастыря.⁵⁸ Кирилло-Белозерский монастырь оказывался, таким образом, центром сложной политической борьбы.

Какую же позицию мог занимать в этой борьбе, развернувшейся внутри и вне монастыря, Нил Сорский? Решение этого вопроса затрудняется тем обстоятельством, что в событиях 1478—1483 гг. в противоположных ролях выступали два лица, тесно связанных с Нилом. С одной стороны, Нил был, по-видимому, близок к известному церковному деятелю конца XV в. — Паисию Ярославову. Паисия и Нила рядом называют два источника того времени, которых мы будем касаться ниже: послание новгородского архиепископа Геннадия⁵⁹ и новгородский летописный рассказ о «соборе на

⁵³ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 197. Дополнением к этому источнику может служить правая грамота митрополиту Геронтию, найденная и опубликованная Н. К. Никольским (Правая грамота митрополита Геронтия. СПб., 1897. Отд. оттиск из «Памятников древней письменности», LXXI).

⁵⁴ «Летописчик» Гурия Тушина. ГПБ, Соф. 1468, л. 178—178 об.

⁵⁵ «Отвещание любозагорным» Иосифа Волоцкого. ВМЧ, сент. 1—13. СПб., 1868, стлб. 551.

⁵⁶ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 167 и 173.

⁵⁷ Ср.: ПСРЛ, т. VI, стр. 233—234.

⁵⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 104—105, прим. 3; ср. стр. 43—44, прим. 6.

⁵⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., стр. 318 и 320.